

ИВАН БАРДИН МЕЧТА И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Избранные труды. Т. 2 / И. П. Бардин. – Москва, 1968. – С. 131-137.

[Первая публикация в сборнике «Первенец сибирской металлургии. XXV лет Кузнецкого металлургического комбината». Кемерово, Книжн. изд-во, 1957. Статья публикуется с некоторыми сокращениями. — Прим. ред.]

[.....]

В основе всякого действительно благородного наслаждения человека своей работой [лежит] осуществление мечты, которая была руководящей идеей в течение всей его сознательной жизни.

Итак, без мечты о чем-то, не похожем на существующее, нельзя жить. Но мечта осуществляется не так часто. Свойство мечтать — участь молодых и нестареющих умов. [...]

Михаил Константинович Курако был одним из таких нестареющих людей. Не имея средств, он продумывал и [создавал в чертежах] заводы, оснащенные совершенной техникой. Свою самостоятельную жизнь он начал с организации вокруг себя рабочих, которые были связаны с эксплуатацией доменных печей. Кроме этого, большое внимание он уделял конструкторам и механикам. Целью М. К. Курако было завоевать свободу действий, независимость от иностранного капитала. Учитывая все трудности борьбы того времени, он со всей серьезностью готовился к ее осуществлению. К нему шли все недовольные рутинной заводской жизни, желавшие познать новое и научиться этому новому. Рабочие шли потому, что он знал каждого и не обезличивал их, а способствовал повышению квалификации каждого из них. Чернорабочие становились подручными, горновыми и мастерами. Инженеры шли к Курако потому, что он предоставлял им самостоятельность в управлении Доменными печами и делал их участниками всех его мечтаний по реконструкции печей и цехов, по созданию, пока на бумаге, новых металлургических гигантов.

В 1904 году он построил первую в России доменную печь с загрузкой скипом и распределителем на колошнике. Он ввел закрытие горна пушкой, закрыл, по примеру Кеннеди, предохранительные клапаны на колошнике и намертво прикрепил колошник к кожуху печи, чего немцы даже в 1956 году не додумались сделать, судя по статье в «Шталь унд Айзен» о взрывах доменных печей.

Все, что он делал, было смелым, но продуманным и безошибочным. Он не хотел быть оригинальным во что бы то ни стало. Наоборот, все, что было хорошего у других, он заимствовал. Изобретательским самолюбием он не страдал. Наибольшие талант и сила его проявлялись в воспитании рабочих и инженеров. Он никогда не надоедал своими приказами или инструкциями, со своими помощниками беседовал всегда как равный с равным, не унижая их достоинства, даже если они ошибались,

[.....]

В 1911 году начали распространяться слухи о предстоящем строительстве завода в Кузнецке, главным образом для прокатки рельсов. Инженер Иосиф Иосифович Федорович, служивший ранее на юзовских тахтах, был приглашен директором-распорядителем общества «Копикуз», принадлежавшего Русско-Азиатскому банку, которому было поручено это строительство. Сейчас же после Февральской революции было предложено и Михаилу Константиновичу Курако принять участие в строительстве доменных печей Кузнецкого завода. Со свойственной ему энергией он начал собираться в путь-дорогу, пригласив с собой лучших конструкторов, механиков, строителей, коксовиков и доменщиков. Выбор у него был большой, всем хотелось ехать и участвовать в этой грандиозной стройке. Первыми его помощниками были: инженер С. С.

Кроткевский — бывший начальник доменных печей Мариупольского завода, и Г. Е. Казарновский — начальник технического бюро, работавший ранее в этой же должности в Юзовке. Далее шел целый ряд конструкторов, механиков, слесарей и оканчивающих политехникум студентов, работавших у М. К. Курако раньше. Это были люди, буквально [горевшие] энтузиазмом и рвавшиеся в бой. Вся эта армия, сосредоточенная в Томске, занялась проектированием доменных печей и доменного цеха в целом. Остальными цехами на первых порах не занимались. Из уральцев наиболее талантливым был энергетик Соколов. В результате работы всех проектных групп был составлен проект завода и выбрано место для его строительства — Туштулепская площадка. К строительству, однако, не приступали, так как [в годы гражданской войны] район переходил из одних рук в другие. Большинство строителей переселилось из Томска в Гурьевск, где завод надо было подготавливать как базу для строительства в Кузнецке.

На Гурьевке был построен мартеновский цех, установлен средне-сортный стан Сосьвинского завода и налажено производство чугунного литья и огнеупорных изделий.

Шел 1920 год, и Гурьевский завод не один раз подвергался набегам [всевозможных] банд. Работать было трудно. А восьмого февраля строителей Кузнецкого завода постигло горе — скончался М. К. Курако. Проектировщики и строители начали разбегаться. [Некоторые из них] появились у нас в Донбассе в начале 1921 года. От них мы узнали много интересного о [...] Сибири. Через некоторое время я получил письмо от Казарновского, остававшегося в Гурьевке и продолжавшего мечтать о реконструкции Гурьевского завода и подготовке к будущему строительству уже большого завода. Григорий Ефимович просил меня прислать горновых для доменной печи Гурьевского завода. Я направил ему четырех человек — товарищей Трубку, Соломку, Брылева и Ровенского (руководитель). Затем наша связь с Гурьевкой прервалась.

В 1925 году горновые возвратились. От них я узнал, что Г. Е. Казарновский уехал на Урал, а они, услышав, что на Юге пускаются зароды, отправились в обратный путь.

Приехавшие рассказывали, что в Сибири жить можно и даже хорошо, но тянет на родину. А о гурьевском доменном цехе говорили: какая же это доменная печь, если с колошника горновой может прикурить.

Наконец на Днепровский завод приехали Г. Е. Казарновский и ряд конструкторов, рассказавших подробности отступления «великой армии» строителей. В Гурьевке остались конструктор, по состоянию здоровья не [сумевший] выехать, и два каменщика. Это примерно из ста человек, которые отправились на строительство вместе с Курако. Нечего скрывать, поражение большое. Утешало лишь то, что все без исключения утверждали, что будь это дело организовано вторично, они сочли бы своим долгом включиться в него вновь. Мужество не было потеряно. Сила обстоятельств их победила, но не покорила.

Остатки отступившей «большой сибирской армии» строителей были использованы для восстановления металлургии Юга. С их участием началась реконструкция Макеевского и Днепровского заводов. Планы реконструкции были составлены такими, как этого хотелось. Времена Потье и ему подобных, существовавших в царской России, прошли, и планы могли осуществиться. В это, если не все, то большинство верило.

Были в корне реконструированы несколько доменных печей с механизированной загрузкой на колошнике; установлены новые воздуходувные машины; начато строительство коксовых батарей на Днестре. Душой всех этих мероприятий, как я уже сказал, были остатки «сибирской армии». Все начатые работы провели успешно.

Известно, что даже самый лучший проект, пока он не воплощен в реальную форму, ничего не стоит. Осуществление проекта, маленького или большого, дает проектанту в его последующих работах смелость и уверенность. Период восстановления того времени и дал всем участникам пятилеток советской металлургии главное — смелость и решительность.

В дореволюционное время и в первые годы существования советской металлургии

наши технические кадры учились у известных всем тогда профессоров: А. А. Байкова, М. А. Павлова, В. Е. Грум-Гржимайло. И. А. Соколова, Н. П. Чижевского, В. П. Ижевского, В. Н. Липина и многих других. И не только поэтому мы должны о них сказать, но и потому, что они были патриотами нашей страны и на фоне [отечественной и зарубежной] чиновничьей профессуры [...] отличались своей научной оригинальностью и свободой теоретической мысли. Достаточно вспомнить о том, что А. А. Банков первый создал теорию металлургических процессов, И. А. Соколов [разработал] физико-химические процессы металлургии, В. Е. Грум-Гржимайло — гидравлическую теорию печей, М. А. Павлов — новую теорию доменного дела, опрокинувшую [теории] Грюнера и других. В области практики, благодаря работам Курако, Соболевского и Немкова, мы также преуспевали. И это с годами приобретенное мастерство было весьма необходимо, так как надо было плавать по металлургическим морям с неизведанным фарватером, пользуясь лишь парусами, иначе можно было попасть на заводе в полную зависимость от иностранных практиков.

На Юзовском заводе, когда я там работал, большинство мастеров были иностранцы. На Енакиевском заводе не только мастера, но даже старшие вальцовщики также были иностранцы. Рабочие же повсюду, разумеется, были русские, потому что их труд — тяжелый и оплачивался плохо.

И вот весь этот «русский материал» надо было распознать, обогатить опытом и знаниями, объединить для будущих лучших времен. Переброска руководства с завода на завод обязательно сопровождалась и переброской рабочих и технического персонала всех уровней. Это делалось не из-за бытовых или каких-то семейственных настроений, а из-за того, чтобы в иностранном сеттльменте и технике иметь больше своих преданных людей, знающих дело лучше, чем колонизаторы.

Иногда вытеснение иностранцев происходило постепенно, а в некоторых случаях, когда сила и знания русских специалистов были уже бесспорными, — выдвигались категорические требования об удалении колонизаторов. Так, например, было на Енакиевском заводе, когда при смене руководства пришлось предъявить ультиматум об изгнании иностранцев со всех ступеней иерархии доменного цеха.

«Учись всю жизнь, но учеником будь возможно меньше», — этому лозунгу покойного профессора В. П. Ижевского следовали многие работники того времени. Начиная с умения чертить, все требовало особых приемов или системы. Появление на Юзовском заводе прекрасного конструктора В. Я. Гребенникова, получившего выучку у американских специалистов, оказало исключительное влияние на всех конструкторов. Его метод работы по-новому передавался с завода на завод, из института в институт и закреплялся навсегда. Кошеленко и Курчин, бывшие рядовые Барановичского железнодорожного батальона, оказавшиеся «неблагонадежными» для армии, на частном заводе проявили исключительные талант и изобретательность как в восстановлении разрушенного хозяйства завода, так и в его эксплуатации. Впоследствии Кошеленко на Магнитогорском заводе, а Курчин на Кузнецком оказали неоценимую услугу в строительстве заводов. Работая на строительстве Кузнецкого и Нижне-Тагильского заводов, бывший оснастчик Днепровского завода И. А. Воронин также оказал, как и многие, многие другие, подобные ему труженики и энтузиасты своего дела, большую помощь.

В первые годы существования Советской власти не всегда имелись благоприятные условия для успешной работы. Было много неоправданных и оправданных обид и на непосредственное начальство. Но по мере того как производство расширялось, меняло свою колонизаторскую ферму черепашей эволюции и переходило на революционный темп — все поносное отпадало, и ценность этих самородков признавалась всеми. Мы должны быть признательны им за создание многочисленных кадров нашей могучей техники. И когда началось решение гигантской Урало-Кузнецкой проблемы, то нашлись люди, с которыми можно было смело идти вперед. У этих людей оказались

многочисленные ученики.

Почему же на первых, порах строительства Кузнецкого завода нужны были американцы? Ведь это стоило больших денег! Не было ли это ошибкой? Нет, ошибки в этом не было. Это было необходимо, Мы выходили на мировое соревнование, а в этом случае никогда нельзя отрываться от своего противника. Америку мы знали плохо, плохо знали, где, чему и как нам следовало учиться.

Проект завода, принятый за основу, был выполнен в Америке без нашего участия. В течение полутора лет на строительной площадке присутствовали иностранцы как консультанты по строительству и технологии производства. Это были люди различного уровня знаний техники и различного отношения к Советскому Союзу. Часть из них отсеивалась немедленно по прибытии к нам и без понуждения, часть стояла твердо на условиях контракта, желая уехать после оплаты неустойки.

В основном этих иностранцев можно было разделить на три группы: командиры, техники и мастера. Командиры помогали в самых общих чертах. Главной их целью являлась защита проекта, выполненного их фирмой. Они были против увеличения доменных и мартеновских печей и вообще против повышения производительности завода. Техники и конструкторы в некоторых случаях оказывались очень хорошими. Они нашли общий язык с нашими чертежниками, и, во всяком случае, приносили пользу. Мастера также быстро сошлись с нашими мастерами Ровенским и Ворониным и на каком-то им одним известном языке «эсперанто» могли объясняться. Из высшего персонала интересен был мартеновец Р. Вейл, познакомивший нас со многими приемами американского сталеварения, доселе нам неизвестными.

Все эти американцы приехали к нам [через 15 месяцев после начала] строительства завода. Кое-что уже было сделано — проложены основные пути, высились кожухи домен, усиленными темпами изготавливались металлические конструкции мартеновского цеха, высились здания огнеупорного, [механического] и котельного цехов и т. д. Приехавшие имели право критиковать и даже приостанавливать начатые работы, тем более что в Москве были люди, считавшие, что все, что сделано нами, сделано не так, как нужно, и, безусловно, с нарушением соответствующей субординации. Однако этого не случилось. Американцы нашли наши проекты доменных печей отвечающими уровню техники того времени. Конструкции здания мартеновского цеха, изготовленные группой академика Шухова, также были одобрены. Принятую нами [емкость печей] в 150 тонн они считали завышенной и предлагали ограничиться 75—100 тоннами. В общем, никаких существенных замечаний не было. Дело шло своим чередом. Оно ширилось и разрасталось [...] В месяцы «пик» на всех участках работало одновременно до 75 000 человек.

Во время полного разворота всех строительных дел у многих все-таки создавалось впечатление, что выполнение их еще очень далеко от намеченного срока и вызывало даже насмешку.

[.....]

Разумеется, не все и не всегда проходило гладко. Природа не хочет покоряться и подчиняться человеку, она сопротивляется, ее надо покорить. Вода — одна из стихий, с которой надо было считаться, прежде всего, и здесь на первых порах нам пришлось испытать наводнение. Не обошлось без завалов, обвалов и пожаров. Но все эти трудности общими усилиями строителей были преодолены.

Особенно надо отметить участие в строительстве завода товарищей Макарова, Петровых, Рамбиди, Плескевича, Ушатины, Гарбузова и многих других. Работали все дружно, в особенности после того, как организационная структура строительства была утрясена. Много усилий было приложено Гольденбергом, Н. Н. Шульгиным и другими [для организации планового управления строительством]. В заводоуправлении за время строительства работы также шли согласованно и дружно во всех отделах: техническом,

производственном, сбыта, снабжения, кадров и других. На нашей стройке не было никаких внутренних разногласий.

Освоение завода также имело свои большие трудности. Это трудности, вытекающие из суровых климатических условий, незнания материалов, механизмов, людей и т. д. Но все это было преодолено, и сейчас завод работает хорошо.

Припоминается случай, когда в первую зиму американцы, увидев замерзшие водопроводы, обледенелые пути и смерзшуюся руду в бункерах, заявили, что на зимние месяцы надо остановить завод. Теперь же мы видим, что как раз в зимнее время завод работает лучше, чем в летнее.

Все это в прошлом, завод освоен и работает хорошо, а самое главное — созданы и закалены кадры, могущие [...] решать задачи самостоятельно.

Невиданные темпы строительства и освоения крупнейшего металлургического завода на таком большом расстоянии от промышленных центров являются, пожалуй, уникальными. Они были осуществлены благодаря тому, что задача создать этот важнейший для страны промышленный центр была поставлена перед всеми трудящимися Советского Союза и перед нами, строителями, нашей родной партией и правительством.

Нам всегда и во всем помогала Москва. Особенно надо отметить Серго Орджоникидзе, который буквально еженедельно справлялся по телефону о всех наших нуждах и происшествиях. Члены Политбюро посещали наш завод как во время строительства, так и в период его освоения. Это, несомненно, сказывалось на настроении рабочих — строителей и производственников, поднимало у них дух, вселяло уверенность в выполнении грандиозных работ, которые они совершали.

Не было мелочного контроля. Все основное решалось в Москве один раз и после этого осуществлялось на месте без каких-либо помех извне

Надо отметить также, что сибирское партийное руководство в лице Эйхе и его помощников оказывало неослабное внимание делу строительства, когда требовалась та или иная помощь как в смысле мобилизации рабочих рук, так и во всех других нуждах. Роль Р. И. Эйхе в создании первенца сибирской металлургии исключительна. Грядинский и Тиунов также много внимания уделяли строительству.

Партийные организации Томска и его общественность нашу стройку держали в поле зрения и помогали ей не только в период разгара работ, но и вначале, когда организовалось Тельбесбюро, задача которого заключалась в исследовании природных ресурсов района и составлении предварительных соображений о тех или иных возможностях края. Работа эта проводилась с энтузиазмом общественностью и профессорами, главным образом Томска, из которых надо указать профессора Гутовского, ныне покойного; профессора Усова — геолога; профессора Клячкова — строителя-архитектора и главного инженера Тельбесбюро Щепочкина. Еще до начала строительства они исключительно хорошо провели обследование района всеми имевшимися у них средствами.

Наконец Томский политехнический институт дал много кадров как для строительства завода, так и для его производства. Сибирский металлургический институт создан на базе металлургического отделения Томского технологического института. В настоящее время Кузнецких завод имеет среди своих кадров большинство питомцев Сибирского металлургического института, с самого начала участвовавших во всех этапах строительства. Надо сказать, роль Томского технологического института в этом деле была исключительной. Наконец немаловажными для успешного хода строительства были обстановка и условия самого начального и решающего периода строительства. В частности, дирекция завода в лице С. М. Франкфурта и его помощника А. Г. Краскина в этот период была несменяема. Также бесменно на ответственных участках строительного и заводского организма работали начальник планового отдела Гольденберг и многие другие. Это создавало у рабочих и всего персонала уверенность, что дело идет так, как надо. Несменяемость персонала во время развития работ является одним из обязательных

условий, так как при широком фронте работ перемена командиров производства всегда приносит делу скорее ущерб, чем пользу. Мне хочется также отметить, что уместное участие литераторов приносит большую пользу.

Так, поэт Маяковский, в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», заканчивавшийся словами:

«Я знаю —
          город
                  будет,
я знаю —
          саду
                  цветь,
когда
          такие люди
в стране
          в советской
                  есть!» 1

[1 В. В. Маяковский. Полное собр. соч., т. 10. М., Гослитиздат, 1958, стр. 130].

Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным осуществлением нашей мечты. Этой мечтой мы жили в течение многих, многих лет, и лишь при Советской власти нам удалось осуществить ее, построив собственными руками в далекой Сибири металлургический завод-гигант.

Мы говорим главным образом о прошлом, а не о настоящем комбината. Но хорошее прошлое может служить и служит примером и призывом к созидательному труду как в настоящем, так и в будущем.

Мне хотелось показать людей, патриотов своей Родины, воодушевленных одним желанием и одной целью — создать русскую, не зависимую от иностранного капитала, металлургию как в уже освоенных районах, так и в новых. Таких людей неизмеримо больше, чем я упоминаю в статье, их в металлургии и в других отраслях промышленности были миллионы, и все они своей благородной целеустремленностью навсегда заслужили признательность советского народа. 25 лет успешной работы Кузнецкого металлургического комбината — лучший им памятник.